

Н.П. Матханова

Записки Никодима (Казанцева), епископа Енисейского и Красноярского¹

Иерархи Русской Православной Церкви нередко бывали не только выдающимися религиозными деятелями, но и незаурядными писателями. Творчество многих из них еще не было предметом изучения светских историков. Это частично относится и к епископу Енисейскому и Красноярскому Никодиму, управлявшего епархией с 1861 по 1870 г, в миру Никите Ивановичу Казанцеву (1803—1874). В настоящей статье мы попытаемся проанализировать мемуары епископа Никодима как исторический источник и как явление духовной культуры. Оговоримся, что понятие «мемуары» мы применяем в широком смысле этого слова, а именно вслед за С. В. Житомирской, П. А. Зайончковским и А. Г. Тартаковским, включаем в него воспоминания (в том числе и автобиографии), дневники и путевые записки².

Епископ Никодим был заметной фигурой в Русской Православной Церкви XIX в.³ Его записка «О Святейшем Синоде» и воспоминания о Московском митрополите Филарете (Дроздове) привлекались как источник по истории Церкви⁴, а записки о времени пре-

Епископ Никодим (Казанцев)

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

² Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. I М., 1976. С. 3; Житомирская С. В. Предисловие // Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей. М., 1976. С. 4; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 8.

³ Биографию Никодима см: Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 5-6, 7 / 8, 11-12, 16; 1890, № 1, 4, 7 / 8, 11, 13 / 14, 16 / 17, 21. Некрологи. См: Вятские епархиальные ведомости. 1874. № 15; Изв. по Казанской епархии. 1874. № 13; Московские епархиальные ведомости. 1874. № 32; Херсонские епархиальные ведомости. 1874. № 17; Иркутские епархиальные ведомости. 1874. № 36; Тульские епархиальные ведомости. 1874. № 15; Гражданин. 1875. № 8 / 9.

⁴ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев. 1991. С. 205; Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. СПб., 2003. С. 94, 133, 151.

бывания в Енисейской епархии частично были использованы красноярским краеведом Л.П. Бердниковым в очерке о первом енисейском епископе⁵. В целом же обширное мемуарное наследие Никодима до сих пор, насколько нам известно, находилось вне поля зрения историков, несмотря на то, что значительная часть его опубликована. Вместе с тем по объему, широте географического и хронологического охвата, откровенности и нелицеприятности оценок найдется не так много сочинений духовных лиц, которые могут быть поставлены в ряд с ним. Причинами подобного невнимания к мемуарному наследию Никодима могли быть и сама его обширность, и разбросанность публикаций по многим изданиям, и появление их вне какой-либо связи с хронологией изложения. Восстановив ее, мы приводим перечень сочинений мемуарного характера⁶. Далее сноски на них даются в тексте в круглых скобках, с указанием порядкового номера, выпуска и страниц.

Общий объем всех публикаций составляет более 20 авторских листов. В предисловии к одной из них А. Титов заметил, что в его библиотеке име-

ется семь томов дневников Никодима⁷. Другой публикатор, преподаватель Красноярской духовной семинарии и редактор «Енисейских епархиальных ведомостей» Л.С. Богданов, утверждал, что часть записок сохранилась в библиотеке Красноярской семинарии⁸. В предисловии к записке «О Святейшем Синоде» редакция «Богословского вестника» указывала: «В качестве литературного наследства от покойного остались 39 томов in folio его собственноручных записок, поступивших по завещанию вместе с его библиотекой в распоряжение Красноярского кафедрального собора»⁹. Вероятно, они и хранятся в фонде Никодима, значительную часть которого составили его произведения мемуарного характера¹⁰. Сохранилось свидетельство самого Никодима, дающее некоторое представление об объеме и содержании его мемуаров. По его словам, при отъезде из Красноярска в Москву он отправил свои рукописи — «три ящика, в которых весь я, вся моя жизнь и все тайны души моей»¹¹. Часть записок, в которых описывалось возвращение из Сибири, была подарена автором томскому купцу Я.И. Петрову-Родионову, а от него попала к М.Н. Галкину-Враскому.

⁵ Бердникова Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления. 1822-1916. Факты, события, люди. Красноярск, 1995. С. 222-234.

⁶ Мемуарные сочинения епископа Никодима: 1. Жизнь архимандрита Никодима Казанцева / Сообщ. А.С. Богданов // Богословский вестник. 1910. № 1-3, 11-12; отд. оттиск.: Сергиев Посад, 1910; 2. Мысли епископа Никодима, бывшего Енисейского: о событиях в Вифанской семинарии, на экзамене, при митр. Московском Филарете и ректоре семинарии Никаноре (впоследствии митр. С.-Петербургском) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения (далее — ЧОИДР). 1882. Ч. 2. № 5; 3. О Филарете, митрополите Московском, моя память // ЧОИДР. 1877. Кн. 2; 4. Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии // Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 7/8, 9-12; То же. Отд. оттиск. Тула, 1911; 5. Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополите Московском Филарете. Предисл., публ. и примеч. И.К. Маркова // Русская старина. 1915. Т. 161. № 1. С. 91-116; 6. Записки преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского / Сообщ. и предисл. А. Титова // Душеполезное чтение. 1911. Ч. 2. № 7/8; Ч. 3. № 9-10; То же. Отд. оттиск. Сергиев посад, 1910; 7. Из «записок» Никодима (Казанцева), епископа Красноярского // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 3; 8. Мое путешествие из Казани в Красноярск, от 7 декабря 1861 по 5 января 1862 года // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 22-23; 1912. № 2; 9. Материалы по истории Енисейской епархии. (Автобиография епископа Никодима) // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 10-15, 23-24; 1913. № 2-4, 6-8; 10. Мое путешествие из Красноярска в Туруханск и обратно // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 1, 2, 4, 6, 8-9; 11. Мое двукратное путешествие в 1863 году а) в Ачинский и Минусинский округа, б) по речке Ангаре-Тунгуске преимущественно, и по окрестностям ее // Енисейские епархиальные ведомости 1909. № 8-13, 16-19; 12. Мое второе путешествие по Ангаре и севером Канского округа // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 21; 13. Енисейск // Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1869. № 48; 14. Записка преосвященного Никодима о посещении им «разоренного от пожаров» г. Енисейска // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 17 (содержание этих двух публикаций одинаково); 14. Мое путешествие из Красноярска в Москву, в Перервинский монастырь, с 11 числа июня по 26-е число июля 1870 года, в течение 45-ти дней // РА. 1903 Кн. 1. Вып. 2, 3, 4. Кн. 2. Вып. 5-7.

⁷ Из «записок» Никодима... С. 343; Мое путешествие из Казани в Красноярск...

⁸ Мое путешествие из Красноярска в Туруханск и обратно... С. 37.

⁹ [Никодим]. О Святейшем Синоде. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1905. Отд. оттиск. из «Богословского вестника» за 1905 г. С. 2.

¹⁰ Значительное число неопубликованных сочинений хранится в личном фонде епископа Никодима (Государственный архив Красноярского края — ГАКК. Ф. 561).

¹¹ Мое путешествие из Красноярска... С. 135)

Последний передал рукопись для публикации в «Русский архив»¹².

Автор предисловия к записке Никодима «О Святейшем Синоде» относит начало работы над мемуарами к петербургскому периоду жизни автора¹³, однако это предположение противоречит прямым указаниям Никодима на то, что впервые он попытался вести дневник в 1829 г.¹⁴, а систематически стал заниматься этим с 1841 г. («ровно год, как начал себя описывать. Пишу в Одессе, в семинарии», — сообщал он 24 декабря 1842 г.¹⁵ Нередко в текстах и далее отмечается время работы над ними. Мемуары предназначались для печати, во всяком случае, при их перечитывании и переработке. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, ряд записей. Одна из них была сделана летом 1871 г.: «Мои суждения о Неофите надо смягчить»¹⁶. Она относится к резкой оценке пермского епископа, о котором в 1862 г. говорилось, что у него автор заметил «крайнюю ограниченность ученых познаний и самую жалкую посредственность разума»¹⁶. Другая запись, от мая 1872 г., оценивает воспоминания о жизни в Туле: «Речь поспешная, неумеренная. Пусть снизойдут читающие»¹⁷.

Все мемуарное наследие Никодима можно разделить на четыре группы записок. Большая часть их относится к досибирскому периоду, и, как нам кажется, составляет одно сочинение. Это классическая автобиография в ретроспективе, т.е. подготовленная через значительный промежуток времени после описываемых событий. При этом автор в лучших традициях этого жанра рассказывает и о внешней, событийной канве, и о внутренней жизни. Записки о Филарете — это другая разновидность воспоминаний, представляющая собой рассказ об исторической личности, который основан преимущественно на собственных впечатлениях автора. Третья

группа — это дневники, охватывающие и досибирский, и сибирский периоды. Четвертая, хронологически охватывающая сибирский период, ближе всего к путевым запискам. Возможно, в основу всех мемуарных сочинений легли дневники — в фонде Никодима сохранилось 20 тетрадей за 1829—1873 гг.¹⁸.

Автобиография начинается со слов: «Родился я в 1803 году 5-го сентября утром, между заутренею и обеднею...». Дальнейшее изложение ведется столь же подробно и обстоятельно. На первых же страницах отмечаются два важных для всей последующей жизни моменты. Во-первых, Никита Казанцев был сыном дьячка. Это обуславливало его приниженное положение по сравнению с товарищами по учению. Даже став епископом, он вновь повторяет: сын причетника, я был ниже преосвященного Варлаама (Успенского), сына протоиерея¹⁹. Мать Никиты Казанцева была дочерью священника, родня с материнской стороны оказалась более образованной и обеспеченной; родители Никиты заискивали перед ней. Говоря о своих усилиях по выдаче сестер замуж, он с гордостью подчеркивал, что мужьями их стали священники. Видно, что происхождение — «больное место», мучившее его неизменно и долго. Крестной матерью мальчика стала дочь «нашей помещицы», тогда еще семилетняя девочка, графиня А.А. Протасова, позже в замужестве княгиня Меншикова. Будучи студентом семинарии и бывая в Москве на Рождество и Пасху, молодой студент «хаживал с поздравительными речами» к крестной. О его положении в барском доме выразительно говорит следующее замечание: «Княгиня принимала меня ласково и давала иногда по десяти рублей, а иногда и поменьше. Тут же меня ласкали и ее люди»²⁰, т.е. крепостные. Благодаря княгине семинарист побывал в театре, который поразил его.

¹² Там же. Вып. 3. С. 448.

¹³ О Святейшем Синоде. С. 2.

¹⁴ Жизнь архимандрита Никодима Казанцева... С. 113-114.

¹⁵ Мое первое житие... С. 193.

¹⁶ Мое путешествие из Казани в Красноярск, от 7 декабря 1861 по 5 января 1862 года // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 2. С. 40; № 21. С. 22.

¹⁷ Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии // Тульские епархиальные ведомости. 1911, № 12. С. 259.

¹⁸ ГАКК. Ф. 561. Оп. 1. Д. 148-149, 151, 153-161, 163-193. Пользуясь случаем, благодарю сотрудников архива, приславших копию описи фонда.

¹⁹ Мое путешествие из Красноярска... Вып. 3. С. 424.

²⁰ Жизнь архимандрита Никодима Казанцева... С. 46.

Позже, учась в академии, Н. Казанцев был приглашен на время каникул учителем к детям А. А. Меньшиковой. Дети его благотельницы — «тупой и избалованный барчонок» Владимир и «острая и живая» Александра — учились легко. Казанцев был очень недоволен прочими учителями. «Дурные, малообразованные» немец и француз и «несносно гордый, хотя и неглупый» англичанин настолько ему не понравились, что он записал: «Тут я увидел, как глупы доселе наши вельможи», приглашающие подобных учителей²¹. Взрослый (ему было уже 25 лет) студент осознал приниженность своего положения: «Несмотря на то, что я был учитель детей княгини, я был отребие, и меня трактовали не лучше лакея». Но надобно было терпеть, — продолжал он. За уроки дано было 100 руб., на часть которых удалось впервые сшить суконную шинель, да к тому же «крестьяне ради меня стали весьма почитать» родителей, до того «уничиженных и умаленных»²².

Подробный рассказ Казанцева о семье, родных, местности, где он жил, о детских играх и шалостях прерывается записью впечатлений от виденного во время Отечественной войны 1812 г. Родное село находилось в 25 верстах от Бородино. Мемуарист подробно описывает отъезд в соседнюю деревню, куда еще не пришли французы, бегство в лес, где семья прожила около двух недель, возвращение в занятое неприятелем родное село, нападение крестьян, поддержанных казаками, на небольшой французский отряд. Рассказ о неприглядном поведении некоторых крестьян, ходивших на Бородинское поле, чтобы обобрать там убитых русских и французских воинов, приведен для того, чтобы заметить: их постигла кара в виде обрушившихся «повальных болезней». Другое историческое событие, свидетелем которого мемуарист стал и значение которого он понял, — коронация Николая I. С восторгом описывая увиденное в Москве, Казанцев больше всего

восхищается богатством. Своеобразны характеристики членов императорской фамилии: Александру Федоровну называет — «томной женщиной», императрицу-мать Марию Федоровну — «важной и мужественной старухой»²³.

Никодим постоянно фиксирует свои сны и видения, причем нередко относит их к разряду чудесных и считает их признаком избранности²⁴. Очень часто автор описывает собственные многочисленные болезни — и это характерно для всего его мемуарного наследия. Большая часть их была либо проявлением присущей Казанцеву мнительности, либо следствием «меланхолии». Некоторое время он даже находился в лечебнице для душевнобольных — это случилось во время учебы в семинарии, после неудавшейся попытки покушения на него со стороны одного из соучеников²⁵. Тогда же в молодом человеке стали все сильнее «воспламеняться чувствования к женскому полу». Описывая свои «романические затеи», автор подчеркивает, что ему долго удавалось оставаться невинным, хотя этот соблазн всю жизнь был для него самым опасным: «Во всем могу бороться и побеждаю, только здесь я вовсе без сил»²⁶. Из текста мемуаров видны даже предпочтения семинариста. Приятную для него женщину он описывает так: «молоденькая, как травочка, премилая собой, не капризная, умница». Были и иные грехи — вместе с другими товарищами он «хаживал пить вино» в ближайший кабак²⁷. Упоминания об этих слабостях встречаются и дальше.

Учась в Московской духовной академии, Н. Казанцев окончательно решил принять монашеский сан — это было давнишнее его желание. Постригли его еще до окончания курса, 31 марта 1829 г., в возрасте 25 лет. Размышления перед таким важным шагом приведены довольно подробно. А вскоре после этого им была предпринята первая попытка «вести записки о себе каждый день». «Писал с неделю: надоело! Бросил!

²¹ Там же.

²² Там же. С. 94.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton; New Jersey, 1983. P. 168. Благодарю Н. Д. Зольникову и Н. Н. Покровского за сообщение этих сведений.

²⁵ Жизнь архимандрита Никодима Казанцева... С. 57-59: 66-67.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ Там же. С. 92, 75.

А однако эти записки у меня еще целы», — указано в мемуарах²⁸. Как уже говорилось, дневник, вероятно, стал основой для последующей работы над воспоминаниями.

Чрезвычайно подробно изложен ход обучения — сначала в Звенигородском Савво-Сторожевском училище (1810/1811—1818 гг.), затем в Вифанской семинарии и, наконец, в Московской духовной академии (1826—1830 гг.). Каждому из этих периодов посвящен особый раздел. Все они построены по единой схеме: сперва рассказывается о жизни самого автора, потом характеризуются его товарищи, начальники и преподаватели, описывается система обучения, отмечаются ее положительные и отрицательные стороны. Нередко видны два пласта повествования: даже во время учебы в академии он был не слишком прилежен, но в период работы над воспоминаниями, уже будучи взрослым, автор критически оценивает свое отношение к учению. В годы учебы молодой Никита Казанцев высоко оценивал свои знания: «... немного [было] мне равных, а лучше себя, право, кажется не видал»²⁹. Говоря о педагогах, он всегда отмечает ум, познания, педагогические дарования, справедливость, доброту или неприязнь к учащимся к себе. Чрезвычайно высоко оценивается Ф. А. Голубинский, косвенной критике подвергается митрополит Московский Филарет — за отставку ректора академии и назначение на эту должность совсем еще молодого Филарета (Д. А. Гумилевского), который «получил страшную спесь»³⁰. Последнему дается крайне негативная характеристика: «... коварно кроткий, религиозен, но лицемерен и надменен, но умен», «видя ласки к себе начальников, он, под личиною молчаливости, пренебрегал нас всех, а меня паче других»³¹.

Общий вывод о педагогах и качестве обучения в Московской духовной академии крайне неутешителен: «Были между ними люди достойные, но большая часть очень не соответствовала ни месту, ни должностям». Учение шло

«слабо и вяло», подлинного образования не давали. Завершаются записки в высшей степени негативной оценкой знаний выпускников: «... нас величают магистрами богословия и проч., тогда как мы сущие дураки»; «мы, будучи глупы, бываем весьма надменны»; «говорим высокопарно, по-книжному... Нашим речам не дождешься конца там, где нужно пять слов»; «к делу вовсе не годимся. За какую науку не примешься, ничего не знаешь». Итог: «Надо самому доучиваться»³².

Следующая по хронологическому порядку часть автобиографии публиковалась под авторским заглавием «Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии». Пребывание в Туле в 1830—32 гг. в должности инспектора семинарии оставило крайне тяжелое впечатление. Это объяснялось и страхом перед холерой, эпидемия которой свирепствовала как раз в это время, и непростыми отношениями с коллегами и начальством. Так, ректор был известен своей жестокостью, а инспектора Никодима, пытавшегося заступаться за семинаристов, «знать не хотел»³³.

Особое негодование мемуариста вызывал тульский преосвященный Дамаскин — «человек слишком недалекий, корыстолюбивый, жестокий»³⁴. Никодим искренне возмущался его поведением во время набора духовных (не получивших образования или оказавшихся под судом) в солдаты в 1831 г. По словам автора воспоминаний, осуществление этого распоряжения вызвало скрытое сопротивление духовных властей: под разными предлогами в армию отдавали минимальное число рекрутов. На этом фоне глава Тульской епархии выглядел особенно жестоким — из нее, как писал мемуарист, было отдано более 300 человек. «Это несчастье потрясло духовенство»; по просьбе семинаристов Никодим отслужил публичный молебен прямо на городской площади, в присутствии священников, дьяконов, дьячков с семьями, простых тульских жителей, которые «преосвященного кляли как мучи-

²⁸ Там же С. 113-114.

²⁹ Там же. С. 90.

³⁰ Там же. С. 116.

³¹ Там же. С. 108-109.

³² Там же С. 127-128.

³³ Мое первое житие и инспекторство... № 11. С. 229-230.

³⁴ Там же. № 12. С. 254.

теля и губителя». По данным Г. Фриза, больше всего было призвано представителей духовного сословия из Курской губернии — 702 человек, в большинстве же епархий число их равнялось одной-двум сотням³⁵.

Вспоминая и оценивая прошедшее в 1843 г., автор писал: «Жалею, что Синод не сделал представления Государю. Ведь они наши отцы. Кто же нас защитит, если не они? Пусть бы и пострадали — были бы мученики»³⁶. Вся эта история произвела на Никодима глубокое впечатление и подтолкнула его позже к одному из обобщений, которых вообще немало встречается в тексте: «Мы, духовные, как бы дурны ни были (ведь и мы не ангелы), все же еще далеко лучше всех других сословий». Особенно горячо изобличает он дворянство — за отказ от веры, порочное поведение, разрушение семейных уз, за модные книги, которые «невозможно прочесть без омерзения»³⁷.

По ходатайству перед Московским митрополитом игуменья Спасо-Бородинского женского монастыря матери Марии (М.М. Тучковой) — Никодим несколько лет переписывался с нею — удалось добиться перевода на должность инспектора в Новгородскую семинарию³⁸. Затем Никодим вернулся на прежнее место должности в Тулу, после чего возглавлял последовательно Вятскую, Херсонскую, Курскую и Ярославскую семинарии.

Очень важным был короткий период пребывания в Петербурге, куда Никодим был вызван из Вятки в мае 1838 г., «в распоряжение обер-прокурора Святейшего Синода, для исполнения некоторых предположений по делам духовно-учебным»³⁹. Речь шла о проекте реформы духовного образования с целью его упрощения и приближения к практическим нуждам сельских священников. Никодим, как он вспоминает, пытался противостоять «умалению и обессилению духовного просвещения». Этот период жизни

отражен в воспоминаниях о митрополите Московском Филарете и в отрывке из записок, опубликованном в Вятке. Впечатления и сведения, полученные в эти годы, были также использованы в записке «О Святейшем Синоде», написанной Никодимом уже на покое, в Перервинском монастыре, в 1873 г. Не касаясь существа критики автором синодальной системы, отметим лишь резкость выражений в адрес обер-прокурора И.А. Протасова, императора Петра I и царствовавшего монарха, а также архиереев — членов Синода. Программа преобразований, изложенная в записке, близка к некоторым проектам реформы Синода 1850—1860-х годов⁴⁰. В воспоминаниях, посвященных времени пребывания в Петербурге, подробно пересказаны разговоры с Протасовым. Сама тщательность передачи слов важного чиновника, в сочетании с детальным рассказом о собственных попытках отстоять интересы духовенства и церкви, «нашего учения, наших школ, наших порядков»⁴¹, призваны задним числом оправдать молодого (ему не было еще и 35 лет) ректора перед очевидно осуждавшими его церковными иерархами. Как и в других частях своих мемуаров, Никодим с большим вниманием относится к передаче отношения к нему высокопоставленных лиц.

Сопоставление двух текстов мемуарного типа, посвященных митрополиту Московскому Филарету⁴², позволяет подчеркнуть характерную для Никодима привычку неоднократно обращаться к одним и тем же сюжетам, рассматривая их в разном аспекте и выделяя разные стороны исторической действительности. Частично различия были отмечены И.К. Марковым — публикатором второго из указанных сочинений. Это время и место создания (первое написано осенью 1868 г. в Красноярске, второе — весной 1874 г. в Перервинском монастыре), объем (первое в опубликованном виде занимает 116 страниц, второе — менее 20), хронологические

³⁵ Freeze G. L. Op. cit. P. 168.

³⁶ Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии // Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 256, 258.

³⁷ Там же. № 10. С. 207.

³⁸ Там же. С. 206.

³⁹ Из «записок» Никодима (Казанцева)... С. 113.

⁴⁰ Алексеева С.И. Святейший Синод... С. 81—86.

⁴¹ Из «записок» Никодима... С. 113.

⁴² О Филарете, митрополите Московском. моя память: Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополите Московском Филарете.

рамки (первое охватывает период 1821-1854 гг., второе — 1838-1862 гг.). Главное — в последнем сочинении автор «более откровенен... дает более смелые отзывы». Оба произведения о Филарете Никодим хотел напечатать⁴³. Первое было отправлено им архимандриту Даниловского монастыря Иакову, но, как отмечал сам Никодим в письме к родственнику, выход в свет его тогда был невозможен, поскольку многие из упоминавшихся лиц были еще живы⁴⁴.

Можно указать еще на некоторые существенные отличия. В первом произведении о Филарете больше автобиографических элементов, приведены обширные цитаты из дневника. Во втором также имеются сведения о собственной жизни, но только связанные со встречами с иерархон. И в первом, и во втором сочинении содержатся детали и мелочи из жизни митрополита, но во втором встречается больше замечаний обобщающего характера — например, такое: «Ни одного из Владык Синода, да и вообще никого, никогда при мне не осуждал, хотя случаев было много и даже касалось оскорбления его самого»⁴⁵. Во второе сочинение включено больше критических и нелестных отзывов о Филарете.

Как уже отмечалось, после Петербурга Никодим был ректором нескольких семинарий. Он не получил ни обещанной степени доктора богословия, ни также обещанного места ректора Петербургской или Московской духовных академий⁴⁶. После многих лет службы по учебной части в 1854 г. Никодим был рукоположен во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. Это место он занимал крайне для него тяжелые семь лет и семь месяцев. Впоследствии он с горечью вспоминал о презрительном

отношении к себе преосвященного Афанасия, архиепископа Казанского⁴⁷. О том, насколько тяжкими были годы в Казани, можно судить по тому, что на обратном пути из Сибири Никодим решил не выходить на берег в Казани и, проплывая мимо города, вспоминал свою жизнь там: «молился и плакал, плакал горько и глубоко»⁴⁸. В 1858 г. он надеялся стать епископом Симбирским, о чем специально просил перед смертью тогдашний епископ Феодотий. Никодим обоснованно «считал себя стоящим этого повышения», и неудача жестоко разочаровала его⁴⁹. В 1859 г. ему было поручено управлять Вятской епархией, но епископом Вятским ему не довелось стать⁵⁰.

Вершиной карьеры стало пребывание в 1861-1870 гг. в должности епископа вновь образованной (выделенной из Томской) Енисейской епархии. Его пребывание в Красноярске оставило заметный след в истории губернии и послужило поводом для создания обширного цикла путевых записок. Они начинаются с декабря 1861 г. — времени получения известия о долгожданном назначении — и заканчиваются 1871 г. — приездом в Перервинский монастырь, куда Никодим удалился на покой. Редактор «Енисейских епархиальных ведомостей» отметил, что «архипастырь... при тогдашних плохих путях сообщения, исколесил всю обширную Енисейскую губернию от севера до юга, от востока до запада»⁵¹. Сам Никодим объяснял свои путешествия, «кроме обязанности архиереев посещать свои епархии», еще и желанием видеть природу отдаленных районов, а главное — познакомиться с паствой, чтобы «благонадежнее и сознательнее рассуждать о местах и лицах»⁵².

⁴³ Марков И. К. Предисловие // Русская старина. 1915. С. 89.

⁴⁴ Письма епископа Никодима к родственнику, священнику московскому [Амвросию Васильевичу Уварову] // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Ч. 2. № 6-7. С. 175, 178.

⁴⁵ Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополите Московском Филарете // Русская старина. 1915. Т. 161. № 1. С. 92.

⁴⁶ Там же. С. 99. 101—102.

⁴⁷ Мое путешествие из Казани в Красноярск... № 22. С. 18; Мое путешествие из Красноярска в Москву... Кн. 1. Вып. 2. С. 235.

⁴⁸ Там же. Вып. 5. С. 137.

⁴⁹ Там же. Вып. 7. С. 462.

⁵⁰ Записки преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского / Сообщ. и предисл. А. Титова. Сергиев посад, 1910. С. 111.

⁵¹ Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 37.

⁵² Мое путешествие из Красноярска в Туруханск и обратно // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 37.

Приехав в Красноярск в январе 1862 г., он уже в мае побывал в Иркутске, посетив, таким образом, восточную часть епархии, а в июне отправился на крайний ее север, в Туруханск. В мае — июне 1863 г. ездил в Ачинский и Минусинский округа, а через год еще раз в Канский округ. Все эти поездки, как и дорога в Сибирь и обратно, подробно описаны.

Путевые записки велись регулярно, указывалась дата (и святой, память которого отмечалась в тот день), почтовые станции. Записки о поездке по южной части епархии, в Ачинский и Минусинский округа, представляют собой обработанные дневниковые записи — они по-прежнему расположены под отдельными датами, но сам автор в начале их указывает, что пишет их в Красноярске, с 11 августа 1863 г. (само же путешествие происходило с 5 мая по 18 июня этого года). Почти всегда описывалось состояние дорог, пейзажи, города и деревни, через которые проходил путь. Более или менее подробно характеризовалось состояние церквей: каменная или деревянная, когда построена, был ли ремонт, каковы архитектурный облик, иконостас. Несколько слов обычно говорилось о священниках: трезвы ли, образованы, откуда родом, семейные или вдовые, какие отношения с прихожанами, насколько обеспечены материально, нередко с одобрением отмечаются занятия их земледелием. Характерно замечание об одном из сельских священников Енисейской епархии: «совершенно тип чистого сибиряка... Человек неученый, но разумный, дальновидный и с характером»⁵³. Часто, а во время проезда по своей епархии почти всегда отмечалась степень прилежания прихожан, с неизменным удивлением и удовольствием епископ писал о торжественной и благоговейной встрече его местными жителями.

Никодим вел дневник не только в дороге, но и находясь в Красноярске. В нем содержатся характеристики местного духовенства, купечества, чиновничества, простых горожан. Очень резко отозвался он о чиновнике особых поручений Е. И. Мокржицком, пришедшем к нему с про-

сьбой о благословении благотворительного концерта. Это был один из молодых образованных чиновников с умеренно либеральными взглядами; в его просьбе не было ничего крамольного, но он получил решительный отказ преосвященного. Попытки убедить владыку вызвали настоящую отповедь: «Плодить речей не нужно, они не изменят моего “нет”». Возмущенный чиновник заметил, что его не пустили дальше передней — так даже сапожников не принимают. На это епископ заметил, что вчера у него был сапожник, почтенный человек, в сединах, речи которого были умны, а сапоги — хороши, и с ним хозяин, действительно, обошелся лучше. Возможно, резкий тон ответа связан со следующим замечанием о Мокржицком: поляк или литвин»⁵⁴.

Вообще гневные высказывания в адрес поляков — деятелей местной администрации — и их подлинной или мнимой роли в преследовании православного духовенства — постоянный, часто встречающийся сюжет записок. Неприязнь к полякам-католикам сочетается с обвинениями в адрес местных властей. Приведем примеры подобных высказываний: «... светская администрация в Сибири, почти вся, сложена из поляков и немцев, ненавистников и презирателей нашей веры православной»⁵⁵; «... земские чины, начиная с исправника, без надзора и ответственности, самовластные цари; а они из Польши (большею частию) и меняются беспрестанно. Жалкая Сибирь!» Полякам епископ приписывал поджоги сибирских сел и городов⁵⁶.

Помимо дневника конфликт нашел отражение в специальной обширной статье Никодима, вышедшей в «Иркутских епархиальных ведомостях» («Енисейские епархиальные ведомости» еще не издавались) и отдельным изданием⁵⁷. По содержанию она близка к проповеди. Епископ называет концерты «игрищами» и утверждает, что они противны христианству и кощунственны — особенно потому, что на сцене выступают женщины. Заметим, что подобная точка зрения разделялась далеко не всеми церковными иерархами.

⁵³ Мое путешествие из Красноярска в Москву, в Перервинский монастырь, с 11 числа июня по 26-е число июля 1870 года, в течение 45-ти дней / / РА. 1903. Кн. 1. Вып. 2. С. 233.

⁵⁴ Материалы по истории Енисейской епархии. № 10. С. 28.

⁵⁵ Незданная статья епископа Никодима Казанцева. С. 112.

⁵⁶ Мое путешествие из Красноярска в Москву... Вып. 2. С. 242. Вып. 3. С. 409.

⁵⁷ Никодим, епископ Енисейский. О публичных концертах с благотворительной целью. СПб., 1864.

Так, митрополит Московский Иннокентий (Веняминов) писал в 1876 г. архиепископу Леониду (Краснопевкову) о разрешении театральных зрелищ в Великий пост: «Этого требует уже и логика: худшие уже давно дозволены, следовательно, лучшие, или менее вредные, представления уже необходимы»⁵⁸. Резкое осуждение и обличение не только организаторов, но и участников популярных и распространенных форм проведения досуга не могло способствовать установлению хороших отношений архиерея с местным обществом. Вспоминая о своей жизни в Красноярске уже после возвращения из Сибири, Никодим в особом послесловии к своим запискам отмечал: «Граждане, а особенно власти и чины, были ко мне холодны»⁵⁹.

Поездка в Туруханск послужила толчком к еще нескольким публикациям. Во-первых, это был очерк под названием «Туруханский край», присоединенный при издании к путевым запискам⁶⁰. В нем наряду с описанием местности подробно, с горечью и возмущением говорится о системе притеснения и обирания инородцев представителями местной власти. Разумеется, подробно характеризуется состояние духовенства и монастырей и подчеркивается, что бедственное положение духовенства во многом есть результат притеснений со стороны администрации. В этой же поездке епископ получил в с. Назимове от А. И. Вершинина в подарок «замечательную рукопись о начале Туруханского монастыря, о Василии Мангазейском и иеромонахе Тихоне»⁶¹. Опубликованная Никодимом редакция «Повести о блаженном Василии Мангазейском и о колоколе Туруханского Троицкого монастыря»⁶² была впоследствии перепечатана,

высоко ценится и используется специалистами⁶³. Последнее произведение мемуарного характера, созданное в Сибири и опубликованное в бытность Никодима Енисейским епископом, — описание его поездки в Енисейск осенью 1869 г. после ужасного пожара, опустошившего город⁶⁴. Этот путевой дневник был еще раз опубликован через 20 лет под другим названием⁶⁵. Из писем Никодима выясняется, что, кроме Енисейска, в феврале того же года он посетил Иркутск, а двумя годами ранее — Томск.

Письма к А. В. Уварову, родственнику (мужу сестры) и однокашнику по семинарии, содержат дополнительные сведения о жизни и настроениях Никодима в годы пребывания в Красноярске. В первое время его отзывы были вполне оптимистичны: земля благословенная, народ живет в довольстве, кафедральный собор — огромный и изящный. О протоиерее В. Д. Касьянове говорится: «Мой отец духовный — кафедральный протоиерей. Он же правая рука во всем управлении моем епархией, и лучший, даже почти единственный собеседник». О Касьянове и позже имеются упоминания в том же доброжелательном тоне, но в письмах появляются жалобы на условия жизни: за несколько лет пришлось переменить три квартиры, а построенный дом перестроить по требованию Синода⁶⁶.

В годы пребывания в Сибири Никодим внимательно следил за общественно-политической жизнью и по возможности принимал в ней участие. Политические взгляды и предпочтения были, разумеется, теснейшим образом связаны с религиозными убеждениями. В письме к земляку и однокашнику по академии, профессору Харьковского университета И. В. Платонову

⁵⁸ [Барсуков И. П.] Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 744.

⁵⁹ Мое путешествие из Красноярска в Москву... Вып. 7. С. 472.

⁶⁰ Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 10: 1909. № 1—3.

⁶¹ Мое путешествие из Красноярска в Туруханск и обратно. № 2. С. 34.

⁶² Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 7. 8, 10—12, 14, 17—19, 21 и 23.

⁶³ Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря / Под ред. П. Е. Островских. СПб., 1910; Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986; Она же. Легенда о Василии Мангазейском и Туруханская литературная традиция // Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 283—291.

⁶⁴ Енисейск // Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1869. № 48.

⁶⁵ Записка преосвященного Никодима о посещении им «разоренного от пожаров» г. Енисейска // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 17 (содержание этих двух публикаций одинаково).

⁶⁶ ЧОИДР. 1882. Ч. 2. № 6—7. С. 159, 162, 164, 179.

он в июне 1866 г. призывал старого знакомого вступить «на поприще публичной беседы — газетою, журналом, статьями... для восстановления здравого смысла в России, в защиту ее заветных святынь, ее законов, истории... в ограждение нашего доброго Православия и смиренных служителей его». Он одобрял линию М. Н. Каткова; все же иные светские публицисты, по его мнению, «либо вовсе не русские, либо сущая мелочь, недоучки»⁶⁷. Никодим и сам принимал участие в публицистической деятельности. Помимо упоминавшейся статьи о благотворительных концертах в 1864 г. он напечатал обширную полемическую статью «Русский нищий», направленную против авторов либеральных и демократических изданий, которые пытались доказать, что раздача милостыни не уничтожает нищенства, а, напротив, сохраняет и продлевает его существование. Той же цели должна была служить и опубликованная только через много лет после его смерти записка «О Святейшем Синоде». Оба варианта воспоминаний о Филарете предназначались для печати⁶⁸, то же, как нам представляется, можно сказать и об остальных мемуарах.

Завершающая часть путевых записок относится к возвращению из Сибири. Это дневник путешествия, дополненный и, вероятно, частично переработанный во время жизни в Перевинском монастыре. По-прежнему отмечаются почтовые станции, даты и т.п. В тексте часто встречаются ретроспективные моменты — рассказы о событиях и впечатлениях на пути в Сибирь, о сибирских происшествиях и отношениях с оставленными там подчиненными и знакомыми. Такой же по сути характер носят и указания на специфику сибирских реалий — кстати, почти всегда не в пользу Сибири. Например, увидев по дороге к Тобольску речную «мельницу хорошего русского устройства», епископ замечает в скобках, что «в Сибири уродливые, безобразные, неудобные и очень маленькие мельницы»⁶⁹. Никодим обвинял сибиряков в том, что они выжигают леса и превращают всю прекрасную растительность в корявые кустарники и пни⁷⁰.

Епископ Никодим (Казанцев)

Есть несколько важных тем, которые неоднократно возникают и в сибирской части записок, и — более откровенно, нелюбезно и эмоционально — в последней, рассматриваемой ныне части.

Это вопрос об архитектуре сибирских церквей, точнее, о навязанных начальством требованиям и чертежах. Проезжая Тюменский у., он отмечает, что в Западной Сибири «смелее отрицают тиранию незваных чертежников церквей, миниатюрных, неудобных, темных, насмеш-

⁶⁷ Письма преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского, к профессору И. В. Платонову. Сергиев Посад, 1896. С. 8 (отд. оттиск из «Богословского вестника»).

⁶⁸ Марков И. К. Преисловие... С. 89.

⁶⁹ Там же. С. 415.

⁷⁰ Мое путешествие из Красноярск в Москву... Вып. 2. С. 239; Вып. 3. С. 303.

ливых, ребяческие шалости. Такими чертежами снабдили Восточную и Западную Сибирь из канцелярии министра Киселева, лет за 20 пред сим»⁷¹. Речь идет о «нормальных» проектах городских каменных церквей, подготовленных К. А. Тоном в 1838 г.⁷² и затем предложенных главой Министерства государственных имуществ П. Д. Киселевым. Томский кафедральный собор ему представляется тесным — «образчиком своеволия и про дерзостей сибирской команды!». Такими же были и храмы Енисейской епархии — «сжаты, сплюснуты, обезображены пустыми постройками»⁷³. Вспоминая в послесловии к запискам о внешнем виде енисейских церквей, епископ утверждал: «Старинные каменные церкви большей частью прочны, красивы, просторны, украшены. Новые каменные церкви уродливы и хилы, мрачны и бедны убранством»⁷⁴. Рассуждая о необеспеченности содержания многих провинциальных храмов, Никодим высказал сомнение — «благочестие ли воздвигло» их, особенно «храмы и часовни политико-религиозные, коими обставлены даже площади городские». Понятно, что речь идет о сооружениях, ставившихся в честь спасения Александра II от покушения. «И всегда капитал податных, а честь, амбиция и слава гражданской власти, которая не вносит в этот капитал ни копеечки», — заключает свое рассуждение епископ⁷⁵.

Еще одна тема, часто появляющаяся на страницах записок — произвол чиновников и притеснение ими сибирских крестьян. Встреча в Томской губернии с переселенцами на Амур вызывает тираду: «Их ограбят и притеснят эти скорпионы, называемые земскими чинами; посадят их в болото, на пески, на скалы, в враги, забросят в чащи лесов, удалят от реки, стеснят, обрезав кругом их лучшую землю, подавят поборами и налогами! Защиты нет! Только терпение и слезы! Это я только и слышал, когда достигали меня вести с Амура. Это отчасти я видел и в Енисейской

губернии»⁷⁶. Подробно изложив чей-то рассказ о волнениях алтайских крестьян и усмирении их силой, епископ винит горных чиновников, которые, производя «отмежевание земли для заводских крестьян, отрезали от них наибольшую и наилучшую часть земли». Это было «сущим и напрасным ругательством над крестьянами», тем более в Сибири, «где миллионы квадратных верст земли лежат нетронутые».

Хотя крестьяне, ожесточившись, «взялись за дубинки», их поступок не вызвал слов осуждения. Никодим повторял: «Крестьяне сперва жаловались, умоляли, составляли депутации к начальствам», а перешли к решительным действиям только после того, как «стали сажать в тюрьмы, морить, сечь розгами». Общая оценка: «... в чинах я вижу ругательство над крестьянами и преступное притеснение их без права и без пользы для казны»⁷⁷. Даже после того, как епископ узнал, что виновником крестьянских волнений был писарь-поляк (напомним, что обвинение поляков, служивших в сибирской администрации, в ненависти к России и использовании своего служебного положения для нанесения русским всяческого вреда, было излюбленной идеей Никодима), он все-таки осуждал действия губернских властей, пославших «отряд воинов, который произвел над безоружными великое побоище: стреляли без разбора в стариков и молодых, в мужской пол и женский, даже в детей; жгли и грабили дома и селения»⁷⁸.

Подводя итоги своего пребывания в епархии, епископ замечает: «В Сибири так называемая власть, сверху и донизу, от губернатора до последнего писаря — суть цари (как я их называю), т.е. повелевают, и всё пред ними преклоняется. Бедный крестьянин есть в их понятиях животное, его не удостоивают и имени человека. Ему нет защиты в Сибири: его речей, жалоб не примут, либо ему же обратят в кару. (Бывают явления правосудия и защиты, но они слишком редки и едва слышимы)... Подати и налоги ныне

⁷¹ Там же. Вып. 2. С. 239.

⁷² Туманик А. Г. Русский православный кафедральный храм второй половины XIX века. Новосибирск, 2000. С. 182.

⁷³ Мое путешествие из Красноярска в Москву... Вып. 2. С. 245.

⁷⁴ Там же. Вып. 7. С. 470.

⁷⁵ Мое путешествие из Красноярска в Москву... Вып. 5. С. 130.

⁷⁶ Там же. Вып. 3. С. 390.

⁷⁷ Там же. Вып. 3. С. 391—392.

⁷⁸ Там же. Вып. 2. С. 244, 246.

так приумножены, что, слагая их вместе, крестьянин платит в год за одну душу более 30 руб... Неплатеж столь высоких податей есть не упорство, а сущая невозможность»⁷⁹. О некоторых администраторах он писал еще резче: «Эти враны ненасытные в Сибири приводят в ужас насилием, грабежами и утеснением»⁸⁰.

Неизменно беспокоит Никодима состояние духовного сословия. Он порицает происходившие изменения в системе образования духовенства, особенно «отторжение надзора за учением от духовной власти и уничтожение духовного сословия в детях духовных»⁸¹, т.е. пожалование не поступивших в семинарии в личные почетные граждане.

Семинарское преподавание постоянно находится в поле зрения епископа — это вполне естественно, ведь он был инспектором и ректором, много лет служил в Тульской, Новгородской и Вятской семинариях. Будучи проездом из Казани в Красноярск в Перми, Никодим присутствовал на экзамене в местной семинарии и записал свои впечатления: «Этот экзамен преосвященный делает для себя, по своему плану, а затем будет другой, официальный. Какая мука! Сколько своеволия и тирании и какая насмешка над порядками!... Спрашивали по всем предметам и наипаче богословским и церковным. Ученики отвечали вяло, как у нас в семинариях обычно, проговаривая заученные речи, задавал несколько вопросов преосвященный — вопросы маловажные, неопределительные, ответы сонные, полу-речь, иногда одни звуки». Никодима возмущало то, что неправильные ответы учеников никто не поправлял. Вот тогда-то он и сделал запись о необразованности Неофита. При всем внешнем порядке в семинарии и неустанном внимании епископа Пермская семинария, по словам автора, отличилась вольнодумством — два ее профессора были сосланы в Сибирь, а два семинариста сидели в казанском остроге⁸².

Весьма подробно рассказывается о конф-

ликте между Томским епископом Порфирием и руководством Томской семинарии. По мнению Никодима, ректор был человеком умным и образованным, но не имел административного опыта. Порфирий же «в науках средствен», однако в администрации превосходил как молодого ректора, так и своего предшественника. В своих преследованиях ректора и инспектора он «перешел границы» — среди причин Никодим называл заносчивость епископа: он имел столкновения даже с митрополитом Филаретом в бытность свою его келейником, а также «личную месть» Порфирия подчиненным за увиденный им в начальстве семинарии недостаток уважения к себе⁸³. Позже, возвращаясь из Сибири в 1870 г., Никодим проезжал через Томск, вспомнил о некогда происходивших там событиях и вновь изложил свое мнение. Никодим считал, что «преосвященный Порфирий совершенно виноват в деле семинарии. Ревность его о казне дурно прикрывала его ненависть к начальству семинарии и личную месть... Во всяком случае, не надлежало спешить суровыми и грозными мерами ареста и следствия, не объяснившись с начальством семинарии словесно»⁸⁴.

Вообще епископ был склонен строго судить архиереев: Варлаам Тобольский строг, но жесток, «тяжко стесняет подчиненных»; Порфирий Томский был несправедлив к руководству семинарии; дом пермского архиепископа слишком роскошен⁸⁵ и т.д. Более мягок он по отношению к рядовым священникам, особенно сельским. Весьма уважительно отзывается об А. И. Сулоцком («он литератор и охотник отыскивать сибирские древности. Ему и г. Абрамову... Сибирь одолжена многими любопытными и назидательными сказаниями»), С. Я. Знаменском («известен... строгостию, даже аскетизмом жития своего»), П. А. Фелицыне⁸⁶. Довольно сложным было отношение Никодима к митрополиту Московскому Иннокентию (Вениаминову). В воспоминаниях о Филарете он упоминал о своем

⁷⁹ Там же. Вып. 3. С. 396-397.

⁸⁰ Там же. Вып. 7. С. 470.

⁸¹ Там же. Вып. 2. С. 244, 246.

⁸² *Мое путешествие из Казани в Красноярск...* С. 21-23.

⁸³ *Материалы по истории Енисейской епархии.* № 1. С. 15—16; № 2. С. 31.

⁸⁴ *Мое путешествие из Красноярск в Москву...* Вып. 2. С. 248—249.

⁸⁵ Там же. Вып. 3. С. 423; Вып. 5. С. 126.

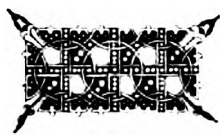
⁸⁶ Там же. Вып. 3. С. 405—406, 421.

участии в пострижении «протоиерея Ивана Евсеича» в монашество и посвящении в архимандриты⁸⁷. В письмах к А. В. Уварову отзывался о нем хвалебно: «Муж прямой и правый», «правдивый, прямой, истинно благочестивый, истинно благожелательный»⁸⁸. Но после встречи с Иннокентием в Москве в 1870 г. явно был обижен «холодным и сухим» приемом. Кроме личных обстоятельств, для неприязни со стороны митрополита и знаменитого миссионера была более существенная причина — Никодим признавался, что не одобряет миссионерства, гордился тем, что не только «не завел в Енисейской епархии миссии, а упразднил ее»⁸⁹.

Енисейский епископ, даже покидая Сибирь, сохраняет интерес к ее святыням. Несмотря на длительность и трудность пути, он сделал крюк в 200 с лишним верст, чтобы побывать в Тобольске — первой столице Сибири; с удовольствием описывает богатство ризницы кафедрального собора, Абалацкий монастырь, Кремль. Напомним, что ранее им опубликовано «Житие Василия Мангазейского». Вблизи Томска Никодим посетил могилу старца Федора Козьмича и с подробностями записал рассказы о нем, а также о С. Ф. Хромове и блаженном Данииле⁹⁰.

Записки епископа Никодима содержат богатый материал о повседневной жизни духовенства — реальном финансовом положении (даже епископ с трудом наскреб деньги на поездку в Москву), трудных поездках, спорах с местной администрацией и зависимости от нее, сложных отношениях с благотворителями и т. д. Из записок становятся очевидными многие реально существовавшие нормы — такие, как, например, обычай кафедральному протоиерею встречать архиерея на границах епархии и провожать до них при отъезде. Или другой обычай, по которому проезжавший территорию чужой епархии архиереем останавливался в доме правящего архиерея или благочинного.

Мемуары епископа Никодима, бесспорно, представляют существенную ценность как источник по истории церкви, духовенства, духовного образования в Сибири и России в целом. Несомненно также их значение для изучения истории повседневности. Творческое наследие первого Енисейского епископа свидетельствует о его незаурядном литературном и публицистическом даровании, а сибирская часть его записок представляет собой заметное явление в корпусе сибирской мемуаристики.

⁸⁷ *Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии...* С. 72, *Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополите Московском Филарете...* С. 94.

⁸⁸ *ЧОИДР*. 1882. Ч. 2. № 6—7. С. 173, 175.

⁸⁹ *Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополите Московском Филарете*. С. 112.

⁹⁰ *Мое путешествие из Красноярска в Москву...* Вып. 2. С. 246; 250—252.